

Управление идентичностью

*Окончание.
Начало см. в № 3/2012*

Управление изменениями в идентичностях, понятно, отличается от управления изменениями, например, в бизнесе. Отличаются все основные функции — целеполагание, планирование, организация, координация, мотивация, контроль. Однако эти функции все же присутствуют и в управлении идентичностями. Изменения в идентичностях более долговременны, четко сформулированных планов часто не существует — разве что какие-нибудь полумифические

«Протоколы сионских мудрецов» или «Майн кампф».

Отсутствие управления, а нередко и наличие его способно конструировать отрицательную (негативную) идентичность. Так, отсутствие управления подготовкой государственной элиты с высокой степенью вероятности ведет к тому, что приходящие к власти и в управление окажутся не готовы к такой роли — масштаб и горизонты мышления оказываются недостаточными, стратегическое видение отсутствует, доминирует отрицательный отбор (то есть на передний план выходят прежде

всего агрессивные, алчные, изворотливые, профессионально несостоятельные, аморальные, не выбирающие средств индивиды), интересы элиты не идентифицируются с интересами страны и находятся за ее пределами (двойное гражданство, недвижимое, бизнес за границей, счета в зарубежных банках, дети в зарубежных университетах). Отсутствие серьезной работы с идентичностью национальной элиты и бюрократии ведет к тому, что формируется идентичность бюрократии не в веберовском смысле (основанная на протестантской религиозности и этике и европейской рациональности), а в современном российском или африканском обнаружении — коррумпированная, беспредельно алчная, компрадорская, неквалифицированная, непатриотичная и т.д. Поэтому идентичность монархов, президентов, премьеров, министров, бюрократии, элиты в целом нуждается в предметном внимании и контроле со стороны общества.

В процессе управления изменениями в идентичности удастся не всякое задуманное изменение. Любая идентичность сопротивляется — этносы, нации, языки, культуры, религии и т.д. Гитлер хотел превратить немцев в высшую расу, однако для него и его окружения все плохо закончилось. Есть проблемы с американской нацией, в частности плохо работает знаменитый «плавильный тигль». Российские старожилы сохраняют свою идентичность со времен раскола в русской православной церкви в XVII в., и ничто не говорит о том, что они собираются что-то менять в ней. Не вполне удался эксперимент с формированием новой исторической общности — советского народа. Хотя сложившиеся компоненты его идентичности вполне просматриваются и сегодня, после прекращения эксперимента снова зримо проявились элементы прежних идентичностей — этнические, конфессиональные, клановые, кастовые и иные формы квазисоциальной

Митрошенков Олег Александрович — заместитель заведующего кафедрой Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор философских наук, профессор.

самоидентификации. Отрицательные элементы в идентичности россиян, уходящие в глубины времен татаро-монгольского ига, абсолютизма, крепостничества, изживаются трудно. Поэтому не следует преувеличивать и переоценивать возможности управления идентичностями, но и недооценивать и преуменьшать тоже.

Скажем иначе. В истории вовсе не безусловно, что те, кто полагает себя инициатором или распорядителем социально-экзистенциальной динамики и идентичности, оказываются несомненными бенефициариями. Часто случается, что при переходе, например, революции из ее идейно-религиозной стадии в бизнес-стадию, то есть стадию перераспределения статусов, власти, авторитета, богатства, управления, организации общественного производства, инициаторы и лидеры становятся маргиналами, страдальцами или даже прямыми жертвами (жирондисты, эбертисты, якобинцы, левые эсеры, ленинская гвардия, иранские исламо-марксисты и т.д.). «Притязания на силовое пересоздание коллективных и индивидуальных идентичностей сталкиваются с тяжелой фактурой истории» [1].

В сознательном изменении элементов идентичности значительно влияние таких феноменов, как реклама, средства массовой информации и коммуникации, манипулирование, всевозможные кодексы и т.д. Они формируют социальный запрос, моду и в результате различные идентичности: «массового человека», человека «потребляющего» и оттого «одномерного» (Маркузе), «успешного», «гламурного», «богатого», «профессионала» и т.д. Проблема в том, что сами авторы таких изменений в идентичности никогда не знают, что в итоге получится, какими могут быть последствия. Поэтому, скажем, эскалация насилия на экране способна обернуться эскалацией насилия в реальности против, например, жур-

налистов или политиков — немало их погибло в результате того, что они способствовали деструктивному изменению ценностной структуры идентичности общества. Сама по себе крайне нерациональная для общества стратегия эскалации чрезмерного потребления и гедонизма оборачивается для людей излишним напряжением сил в погоне за ложно понимаемыми престижем, модой, гламуром и т.д.

Отрицательные элементы в идентичности россиян, уходящие в глубины времен татаро-монгольского ига, абсолютизма, крепостничества, изживаются трудно.

Поскольку все в обществе обладает внутренней противоречивостью, управление изменениями идентичности ничуть не лучше и не хуже управления (за исключением очевидно силовых и деструктивных случаев), например, научными знаниями и открытиями — и то и другое можно использовать как во благо, так и во вред человечеству. Сами по себе знания и открытия ценностно не хороши и не плохи, их использование зависит от внутренней культуры, идеалов, ценностей, интересов людей. Если же идеалы, ценности и интересы изначально формируются как деструктивные, то их носители во власти и управлении с высокой степенью вероятности будут на их основе обращать имеющиеся ресурсы себе на пользу и во вред обществу. Поэтому общество заинтересовано в выработке системных мер защиты против нарастания таких деструктивных элементов идентичности, недопущении их свыше определенного минимума, сверх критической массы, и прежде всего в кругах национальной элиты, особенно властно-управленческой. Как известно, по М. Веберу, бюрократия — это не только социальная сила, но еще и особый ментальный тип, основанный на догматах (мыслитель исследовал,

прежде всего, западную бюрократию) протестантской религиозности и этики, задающих облик целой культуры и общественной эпохи модерна [2].

Элементы идентичности могут устаревать и переставать соответствовать вызовам времени. Упорство в сохранении идентичности способно привести к плачевным результатам. Жители острова Пасхи вымерли, поскольку

вопреки здравому смыслу сохраняли ненужные, малозначимые элементы своей идентичности, состоявшие в том, чтобы в целях ложно понимаемых чести и достоинства возводить никому не нужных каменных истуканов и тратить на это последние скудные силы и ресурсы, которых уже не хватило для выживания. Истуканы остались, а население прекратило свое существование [3].

Жители Гренландии, викинги, выходцы из Северной Европы, долгое время (около 450 лет) сохраняли свою христианскую идентичность и соответствующий ей бытовой и экономический уклад (фермерское хозяйство и т.д.). Однако в суровых условиях острова они нуждались в освоении некоторых иных способов жизнедеятельности и хозяйствования, в частности, тех, которые использовали и используют коренные его жители — инуиты. Европейцы-викинги не вняли этой необходимости и в результате свели свое присутствие на острове к минимуму, сойдя с исторической сцены [3].

В трансформирующихся обществах укорененность элементов неадекватной, несвоевременной социальной идентичности блокирует формирование ее гражданских

оснований. Их подменяют, повтори- м, этнические, конфессиональ- ные, клановые, кастовые и иные формы квазисоциальной иден- тификации. В процессе адапта- ции традиционалистских струк- тур к современности возникают гибридные идентичности, кото- рые могут стать источником как модернизации, так и демодерни- зации и дезинтеграции общества. Элита, ее идентичность стано- вятся в этих условиях ключевым фактором, задающим вектор ди- намики [4].

Особой сферой и средством управления идентичностями выступают с некоторых пор Интернет и различные информационные сети.

Существенным является вопрос о степени и пределах управляе- мости идентичностями. Такая уп- равляемость, видимо, возможна в той мере, в какой идентичность может быть рационализирована, формализована, смоделирована, в какой контролируются проис- ходящие в ней хаотические про- цессы, — все это может быть при- менено к идентичности как к ре- альности, обладающей синерге- тическими особенностями.

Никакого точного прогноза здесь быть не может. Он может быть лишь предельно вероятностным, общим, неконкретным. Скорее всего, ситуацию с идентичностью, как целостностью, можно охарак- теризовать как управляемый в той или иной мере хаос, который на- ходится в сбалансированном со- стоянии с достигнутым уровнем порядка [5]. Микроидентичности (потребления, корпоративные, кастовые и т.д.) могут быть скон- струированы быстрее и конкрет- нее, макроидентичности требуют больших усилий на протяжении более продолжительного време- ни (этническая, религиозная, социальная, гражданская и т.д.). Ис- коренение нежелательной иден- тичности может осуществляться также посредством устранения

(в разных формах) ее носителей (Косово, а также некоторые бли- жайшие соседи России, блоки- рующие употребление русско- го языка, и т.д.). Конструирова- ние новой идентичности в таком случае происходит на освободив- шемся месте в результате целена- правленного воздействия на новый человеческий субстрат.

Особой сферой и средством уп- равления идентичностями высту- пают с некоторых пор Интернет и различные информационные

сети. Их управленческо-идентификационное влияние обнаружи- вается посредством как минимум двух вариантов: формирования информационной повестки дня и информационно-сетевых войн.

Информационные повестки дня в виде списка наиболее важных тем образуют виртуальное сете- вое меню. В процессе приобщения к нему пользователи сознательно или бессознательно начинают пе- реформатировать свою иденти- фикационную матрицу. Инфор- мационные повестки дня в Сети — это не только и не столько стили- стически оформленные проблемы, выведенные в заглавии ключевых поисковых систем. Прежде всего, это огромный электронный ре- сурс, тонкое и профессиональ- ное использование которого дает совершенно невероятный и по- разительный эффект в управле- нии идентичностями огромных масс людей и индивидов. Иници- аторами формирования инфор- мационных повесток дня в Сети могут выступать конкретные со- общества, гражданские органи- зации, партии, органы власти, эт- нические и религиозные структу- ры, отдельные пользователи, лоб- бисты, преступные группировки и т.д. Спектр используемых сце-

нариев может быть огромным — от авторских комментариев в ав- торском блоге до самых разнооб- разных видеосюжетов. «Повест- ка дня» окажется успешной, если трансляция послания произой- дет на той «волне», на которую на- строена некоторая совокупность людей, — чем больше, тем успеш- нее. Она становится доступной всему миру, не будучи ограничена какими бы то ни было рамками.

Информационные повестки дня в Сети могут отражать реальные и насущные проблемы и способ- ствовать их обсуждению, но могут и отвлекать от них, выставляя на первый план информационный шум и мусор в виде незначитель- ных, но вызывающих любопытст- во тем. Они могут «сеять доброе, вечное», но способны и разжи- гать рознь и экстремизм в обще- стве. По причине стремительно- го обновления информационно- го потока (повесток) в Интерне- те идентичность огромной массы пользователей приобретает ха- рактеристики фрагментирован- ности и ситуативности [6].

Информационно-сетевые войны, в отличие от рискованных тради- ционных войн, чреватых больши- ми потерями, особенно в случае применения ядерного оружия, де- лают полем сражения ментальную сферу, самосознание народов, их идентичности. Борьба в инфор- мационном пространстве велась во все времена, однако в наши дни возможности информационных технологий многократно усили- вают ресурсы такой борьбы и ее значение. Успех в этой сфере до- стигается меньшими усилиями, не сопоставимыми с издержками реальных войн. Жертва обы- чно недооценивает информаци- онную агрессию против идентич- ности в силу ее неочевидной раз- рушительной силы, растянутости во времени, пребывая в благодуш- ном настроении или вообще ни- чего не осознавая.

Первым шагом в изменении иден- тичности противника становит-

ся дискредитация, девальвация, разложение, а затем и уничтожение базовой системы ценностей, идентификационной матрицы нации [7]. Безболезненность восприятия информационной агрессии массовым сознанием достигается тем, что она преподносится как восхождение по пути прогресса, как цивилизационная замена архаично-отсталого социума более развитым, стоящим на более высокой ступени. Особенность информационного воздействия состоит в том, что в результате элита страны-жертвы передает контроль над стратегически важными ресурсами агрессору совершенно добровольно, поскольку этот шаг воспринимается как прогрессивное движение вперед, овладение «новым мышлением», укрепление основ демократии, обеспечение прав человека,

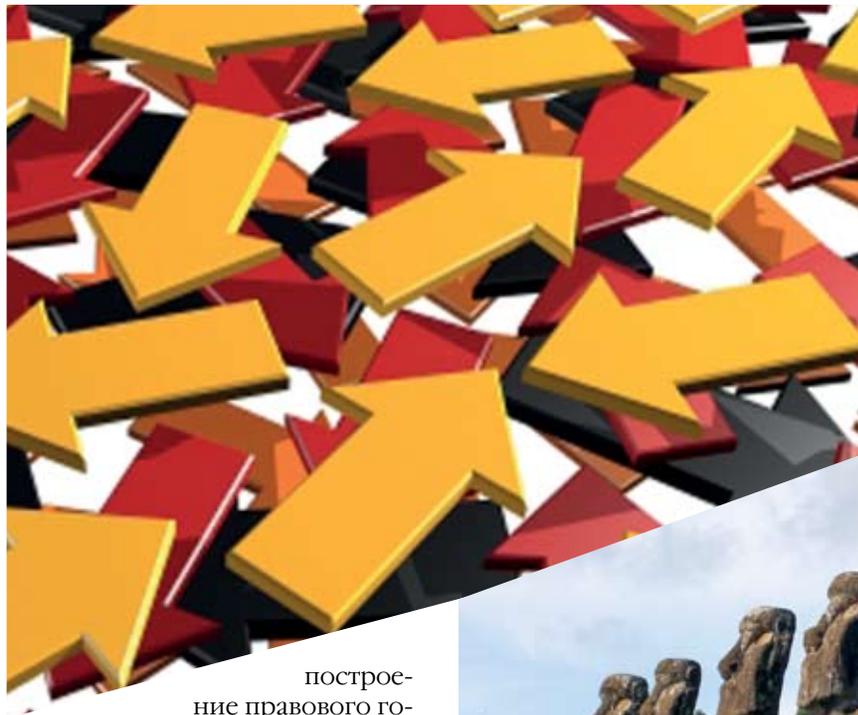
к управляемому массивированному информационному воздействию. Люди оказались слишком доверчивыми и идеологически обезоруженными [8]. Это одна из ключевых причин геополитической катастрофы — распада СССР.

Успех в деле развала СССР и социалистической системы «привел к появлению целой серии технологий информационного воздействия на основы государственности, которые приняли системный характер и в своей совокупности оформились в виде информационно-сетевых войн, задачей которых является подрыв, а затем и разрушение базовых характеристик нации» [9].

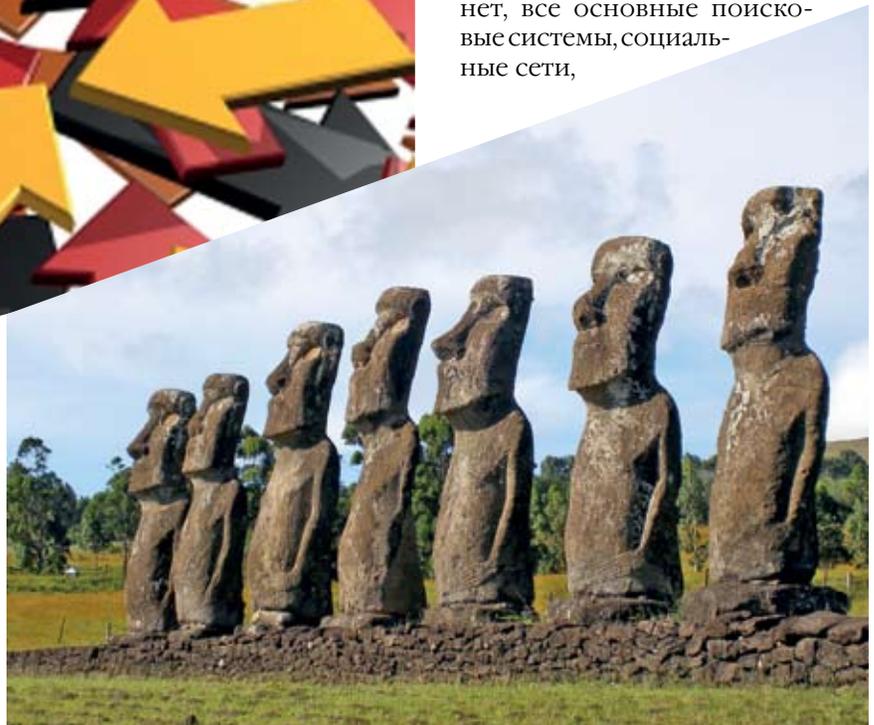
Управляемое информационно-сетевое воздействие устремлено на идентификационные матрицы

и архетипы индивидов и общностей, в результате чего происходит замещение базовых ценностей навязанными чуждыми идеями и ориентирами. В конечном счете происходит разотождествление, распредмечивание идентичности, слом ее архитектоники. При этом факт имплантации неприятельских ментальных вирусов проходит чаще всего незамеченным для социума. Объектом информационно- сетевого воздействия становится идентичность как государственно-управленческой и культурной элиты, так и населения страны. Не располагая надежными средствами выявления информационной агрессии, они оказываются не способными на организованный отпор противнику, что обрекает их на геополитическое поражение. Недооценка эффективности таких войн и технологий сегодня широко распространена в том числе в России, и это многократно усиливает их поражающую силу.

К действиям по замене и подмене ключевых элементов идентичности народов-жертв в рамках сетевых войн противник подключает разные ресурсы — Интернет, все основные поисковые системы, социальные сети,

построение правового государства и т.д. Именно так был разрушен СССР, в этот момент не участвовавший ни в каких разрушительных войнах. Политика «гласности» М.С. Горбачева открыла каналы для подрыва основ советского общества при полнейшей неготовности населения, партийно-государственной элиты и органов безопасности страны

государственности («оранжевые» революции в Восточной Европе, «цветные» — в Центральной Азии, волнения в странах Северной Африки и Ближнего Востока в 2011 г.), гламуризация жизни и политики, мадонализация общества, утверждение ценностей массового общества и потребления, внедрение комплекса мины или пораженческой психологии, даже проведение геноцида без газовых камер и массовых расстрелов — достаточно повлиять на снижение рождаемости (путем утверждения, например, культа свободы от детей,

популяризации и распространения однополых браков) и увеличение смертности (посредством утверждения моды на сигареты, алкоголь, наркотики, содействуя росту коррупции и, соответственно, преступности, и т.п.).

Управление переформатированием идентичности учитывает природу информационно-сетевых структур, которые не предполагают жесткой иерархии в силу их сущностной гетерогенности, проявляющейся в автономности их элементов и горизонтальных связях. Последние реализуются через

СМИ, религиозные организации, неправительственные фонды, учреждения культуры, общественные движения и т.д. «В совокупности они осуществляют так называемую *распределенную атаку* (выделено мной. — Примеч. авт.), оказывая многочисленные точечные разрушающие воздействия на общественную систему страны под знаменем «развития демократий и гражданского общества» и «соблюдения прав человека» [10]. Накопленный опыт по изменению идентичности и воздействию на массовое сознание позволяет реализовывать какие угодно сценарии и проекты — изменение основ

facebook

Facebook helps you connect and share with the people in your life.

социальные связи и Интернет, что не позволяет своевременно выявлять и пресекать их деятельность.

По сообщению британских СМИ («Гардиан»), в США реализуется программа информационно- сетевого воздействия на проблемные регионы с использованием сетей Twitter и Facebook, центр управления которыми находится на базе ВВС США «Макдилл» во Флориде. В нем работают 50 операторов, и каждый из них руководит 10 «агентами влияния» в разных странах, выполняющими их задания по ведению информационной войны по всем правилам политических технологий. Про-

грамма хорошо финансируется и предусматривает для каждого из агентов убедительную легенду и меры по защите от разоблачения. Любое воздействие на американскую аудиторию запрещено, английский язык не используется. Общение ведется только на арабском, урду, пушту, фарси, то есть на языках тех стран, которые представляют интерес с точки зрения воздействия на общественную стабильность [11].

В США реализуется программа информационно-сетевого воздействия на проблемные регионы с использованием сетей Twitter и Facebook, центр управления которыми находится на базе ВВС США «Макдилл» во Флориде.

Таким образом, информационно-сетевая стратегия «управляемого хаоса» является эффективным средством деконструкции и реформатирования идентичностей целых стран и народов, осуществляемых в интересах авторов и инициаторов такой стратегии [12].

Вовлечение людей в практики, имеющие позитивный социальный эффект и соответствующее признание, формирует позитивное отношение к связанным с ними субъектам. И наоборот, неорганичные принудительные практики имеют обратный эффект. Так, применение массовых мобилизационных технологий для повышения, например, электоральной активности, в том числе молодежи, как правило, отрицательно сказывается на формировании гражданской идентичности, поскольку она подменяется мобилизационным сознанием. С государством или политической партией, которые используют тебя исключительно как электоральный ресурс, чувства сопричастности и солидарности не возникает [13]. Никакой пользы, кроме несущественной ситу-

ативной, это не приносит, в том числе такому государству и такой партии.

Россия, как и любая страна, нуждается в адекватном управлении идентичностью живущего в ней населения. Здесь возникает много трудностей разного характера. Во-первых, это население крайне гетерогенно, то есть множественно и неоднородно. Идентичность якутов существенно отли-

чается от идентичности ингушей, татар — от коряков, представителей крупного бизнеса — от аграриев и т.д. Какой идентичностью управлять? Во-вторых, в страну приезжают активные люди со всего мира (мигранты, студенты, рабочие и т.д.), причем их пассионарность носит как позитивный, так и негативный характер. Их культура и повседневность часто довольно чужды россиянам. В-третьих, следует хотя бы в общих чертах, концептуально определить содержание российской идентичности. В-четвертых, требуется решить ряд методологических проблем, связанных с управлением идентичностями (степень познаваемости и управляемости, синергетическая природа, количественные и качественные методы, технологии и др.) и т.д.

Несмотря на эти и другие трудности, управление идентичностью россиян должно иметь место. Иначе это место пустым не останется, заполнится неуправляемым содержанием и может выйти из-под контроля. Ориентирами, контурами идентичности россиян должны быть ценности и идеи не позавчерашнего дня, а развито-

го и динамично-инновационного общества, адекватные вызовам времени и обеспечивающие стране лидерские позиции не только в постсоветском пространстве, но и в мире.

ПЭС 11155/17.10.2011

Литература

1. Рашковский Е.Б. Многозначный феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн... / Отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева // Идентичность как предмет политического анализа: Сб. статей. М., 2011. С. 33–34.
2. Серкина Н.Е. Парадигма социального управления в теории и практике социальной модернизации. Йошкар-Ола, 2005. С. 70.
3. Даймонд Д. Коллапс. М., 2009.
4. Семенов И.С. Идентичность в предметном поле политической науки / Отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева // Идентичность как предмет политического анализа: Сб. статей. М., 2011. С. 10.
5. Райков А.Н. Конвергентное управление и поддержка решений. М.: ИКАР, 2009. 245 с.
6. Лекторова Ю.Ю. Конструирование информационных повесток дня: выбор идентичности в Сети / Отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева // Идентичность как предмет политического анализа: Сб. статей. М., 2011. С. 62–64.
7. Карякин В. Информационно-сетевые войны // Свободная мысль. 2011. № 5. С. 155–156.
8. Там же. С. 161.
9. Там же. С. 156.
10. Там же. С. 157.
11. Там же. С. 158. См. также: Пустовойтова Е. Разбомбить Ливию. Четвертое действие всемирного спектакля. 20 марта 2011 года. Фонд стратегической культуры. www.imperiya.bu.
12. Расторгуев П. Философия информационной войны. М., 1999; Панарин И. Технология информационной войны. М., 2003.
13. Самаркина И.В. Политическая картина мира в структуре социальной идентичности / Отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева // Идентичность как предмет политического анализа: Сб. статей. М., 2011. С. 62–64.